

находя слова. — *Он слаб*». «*Он очень слаб*», — повторила она, глядя мне в глаза. — «*Слаб, тетинька*». Это слово, выскользнувшее у меня, казалось, поразило ее. «*Слаб*», — повторила она, пристально глядя на меня. — «*Его на свете нет!*» — «*Господи! он скончался, приобщиться не успел!*» — и в отчаянии, которое невозможно передать, она принялась в возбуждении ходить по комнате, повторяя: «*Кончено! Все кончено! Мамичка, друг мой, ты меня бросил!*». Она ломала себе руки, испускала стоны. Страдание лишило меня дара речи. Я видела ее, эту женщину, такой несчастной, на грани отчаяния, — ни слова, ни слова утешения; неподвижно стоя перед ней, я могла только следить за ней взглядом. Спустя некоторое время она меня заметила: «*Паша, друг мой, ты опять осиротела, Паша,* — сказала она душераздирающим голосом, — *Но ты меня не бросишь*». Я подошла к ней, целуя ей руки. «*Кончено, кончено,* — снова заговорила она, — *Он нас бросил*». В этот момент, движимая чувством, которое мне знакомо, вбежала Александрина Кожевникова и, видя тетю, которая со словами: «*Его уж нет*» — обнимала меня, бросилась на колени перед ней, воскликнув: «*Он жив, тетинька, он здоров будет!*». «*Господи, что она говорит!?*» — воскликнула тетя вне себя. Растерявшись, я подняла ее и вытолкнула из кабинета. «*Александрина, что ты говоришь?* — сказала я ей. — *Она все знает и ты ее только мучаешь*». Испуганная своей неосторожностью, она убежала. Люди подали мне знак подойти, так как им надо со мной поговорить. Едва я вышла из кабинета, они меня окружили: «*Сударыня, извольте всем располагать, уж тетушке не до того. В чем прикажете его положить? Сейчас обмывать станем*». «*Господи, погодите!*» — с нетерпением ответила им я. — «*Нет, нельзя, сударыня, пока не остыл*». Дрожь охватила меня, и с разрывающимся сердцем я тем не менее отдавала необходимые приказания. Я вошла в ту скорбную комнату, где так недавно еще всего надеялись. Какая ужасная перемена! Шум, гам, рыдания, говор нескольких голосов разом, открытые окна, стол посередине комнаты, а он! Он лежал в постели и как-будто спал глубоким и мирным сном. Его лицо сохранило ангельское спокойствие; никакого следа страдания, никакого волнения в чертах. Казалось, он спал и видел приятные сны. Люди повторяли, что его надо одевать. Я с трудом ушла из комнаты. Я отправила срочное сообщение в Петербург, написав Семену, чтобы он приехал. Чего мне стоило писать это ему, — дрожащей рукой, отказывающейся начертать роковое слово «его больше нет». Вскоре явились молодой Тырков и князь Шихматов. Я видела их накануне вечером, они оставили нас спокойными и счастливыми, и в одно мгновение все изменилось. Я вернулась к тете, она доверила мне свои ключи, приказав управлять всем. Пришли уведомить, что прибыл священник. Я снова зашла в спальню и увидела, что дядя